

Глава 8

Так Цзи Мянью и остался. Платой за это стала стрижка почти под корень — теперь на его голове красовался короткий «ёжик», который, впрочем, лишь подчёркивал его чистое, миловидное лицо.

Он помогал Дуанью Чжо — точнее, своему новоиспечённому «старшему брату» — во всём. Что бы тот ни велел, юноша исполнял беспрекословно. Чаще всего он проводил время в лавке на первом этаже: был на подхвате, подавал инструменты или строгал древесину. Цзи Мянью нравилось это занятие. Особенно его завораживало то, как из-под острого лезвия выходят тонкие, гибкие и прочные стружки, сворачивающиеся в пышные, воздушные кольца.

Вопрос пропитания Дуанью Чжо взял на себя.

Сам он никогда не готовил, Цзи Мянью тоже не владел кулинарным искусством, поэтому обедали они в окрестных забегаловках. Перед каждым приёмом пищи юноша брал немного мелочи из кассы — обычного деревянного ящичка, — уточнял, что именно брат желает съесть, и приносил порции на двоих.

Иногда Дуанью Чжо пытался всучить ему пачку купюр, называя это «зарплатой», но Цзи Мянью наотрез отказывался. Он и так жил у брата на всём готовом, и совесть не позволяла ему брать лишнего.

Лишь однажды, в один из дней глубокой осени, когда на третьем этаже закончились стиральный порошок и салфетки, а его единственные трусы перестали высыхать за ночь, юноше пришлось признать: пора за покупками. И тогда он, отчаянно смущаясь, всё же принял деньги.

В тот раз Дуанью Чжо шутливо шлёпнул пачкой банкнот его по лбу. Почему-то «старший брат» при этом улыбался.

Прошло около двух недель после стрижки. На голове Цзи Мянью пробился мягкий ворс, который, как оказалось, действительно имел светло-коричневый оттенок. Теперь его макушка стала золотистой, и когда на неё падали солнечные лучи, она буквально сияла. Если уж и стоило за что-то похвалить юношу, так это за идеальную форму черепа.

В течение следующего месяца, когда Цзи Мянью проходил по улице, соседи неизменно улыбались ему вслед, в шутку называя «бело-золотым варёным яйцом». «Белым» было его лицо, а «золотым» — голова. Юноша улыбался им в ответ. Он чувствовал, что в этом смехе нет ни капли злобы.

Ему нравилось здесь, и потому он был счастлив.

Обитатели района почему-то относились к Цзи Мяню с необъяснимой теплотой — пожалуй, даже излишней. Сунь Ци, глядя на это, буквально изнывал от зависти. В один из выходных он примостился на табуретке у входа в лавку и, покосившись на босса, развалившегося в шезлонге, с кислым миной проворчал:

— Этот пацан Цзи... он ведь мелкий воришка, верно? С чего это все эти старики и старухи в нём души не чают?

Дуань Чжо, щурясь на солнце, лениво шевельнул ладонью:

— Апельсин.

Сунь Ци выудил из корзины ярко-рыжий плод, протянул его мужчине и продолжил гнуть своё:

— И Сестра Му тоже... почему она к нему так добра? Неужто глаз положила?

С сухим стуком апельсин прилетел Сунь Ци прямо в лоб.

— Ой! — взвыл тот, схватившись за голову.

Цзи Мянь, который в это время усердно работал напильником, услышал шум и невольно выглянул наружу. Он увидел, как его брат, даже не повернув головы, бросил через плечо:

— Сунь Ци, ты совсем тупой?

Цзи Мянь тут же опустил голову и вернулся к работе.

Снаружи воцарилась тишина. Сунь Ци, потирая лоб, рассудил, что босс прав. Цзи Мянь был младше Му Юймань лет на семь-восемь. Она ни за что не посмотрела бы на этого желторотого юнца.

От этой мысли ему стало немного спокойнее. Сестра Му была так хороша... И пусть он понимал, что не пара ей, пока у неё нет никого на примете, у него всё ещё оставался призрачный шанс.

***

Для Цзи Мяня дни, проведённые за строганием дерева, не были в тягость. Казалось, он от природы обладал колоссальным терпением и никогда не знал суеты или раздражения. Однако после двух месяцев работы подмастерьем у него всё же зачесались руки — захотелось сотворить что-то своё.

В этот момент Дуань Чжо находился в лавке. Сжимая в руке долото, он неспешно обрабатывал заготовку из сырого дерева.

Цзи Мяннь сидел рядом и заворожённо наблюдал, как бесформенный кусок под рукой мастера обретает черты изысканного горного пейзажа. Дерево, казавшееся поначалу грубым и корявым, с каждым ударом резца становилось всё более утончённым и обзаводилось уникальным стилем. Ещё немного времени на детализацию и шлифовку — и этот предмет мог бы украсить любую выставку.

— Брат, вы такой искусный! — с восхищением выдохнул юноша. — Резьба совсем как живая!

Это была простая, искренняя похвала, лишённая всякой лести. Дуань Чжо почувствовал это и, скользнув по нему коротким взглядом, бросил:

— Не мешайся под рукой. Отсядь.

— А, хорошо.

У ног Дуань Чжо валялось несколько крупных обрезков — отходы, оставшиеся после грубой обработки. Обычное, недорогое дерево. Цзи Мяннь давно заглядывался на них и наконец, не выдержав, поднял один кусок.

— Брат, это вам больше не нужно?

— Угу.

— Тогда можно... я возьму? Тоже хочу попробовать.

Дуань Чжо окинул его взглядом, не сказав ни «да», ни «нет». Цзи Мяннь знал: это означает молчаливое согласие.

Радостно выудив из ящика рубанок, стамеску и маленький резак, он нашёл себе табурет в углу и устроился поудобнее. Обрубок размером с ладонь несколько раз переключал из руки в руку, прежде чем юноша решился на первый надрез.

Сначала он рубанком снял верхний слой, избавляясь от шероховатостей, затем долго шлифовал поверхность, добываясь идеальной гладкости. Этот этап дался ему легко — за последние два месяца он набил руку на подобных операциях. Долото ему не понадобилось; по правде говоря, он ещё не умел придавать форму с его помощью.

Что же касается резака...

Цзи Мянью посмотрел на идеально круглый деревянный шар в своей ладони и покрепче сжал рукоять инструмента. Он крайне осторожно вырезал на поверхности несколько округлых углублений. Этот процесс занял у него почти полчаса.

Тем временем Дуань Чжо уже отложил инструменты, собираясь заканчивать работу.

— Ещё не готов?

Цзи Мянью, сжимая в ладони своё «творение», ответил:

— Почти.

Он раскрыл ладонь. На ней покоился круглый, невзрачный кусок дерева с тремя или четырьмя неглубокими вмятинами.

Дуань Чжо нахмурился:

— Это ещё что такое?

Цзи Мянью сконфуженно пробормотал:

— Это картофелина.

[...]

— Надо же... — Дуань Чжо сделал паузу. — Как живая.

Цзи Мянью молча спрятал свою «картошку» за пазуху и решил, что в будущем ему лучше всё-таки сосредоточиться на стружках.

<http://bllate.org/book/15358/1414257>